

Глава 608: Как провести остаток моей жизни?

«Я не знаю».

Чэнь Чаншэн не мог признать или отрицать, что он - Чжаоин, потому что даже сейчас он все еще не мог подтвердить свое происхождение.

Единственное, в чем он сейчас мог быть уверен, это что он был членом Имперского клана Чэнь. Другими словами, Принц Чэнь Лю перед ним был его братом.

Из друзей стать братьями - это чувство было весьма странным.

Возможно, потому, что Принц Чэнь Лю почувствовал его текущее настроение, он сменил тему, говоря: «Здоровье Наследного Принца Чжаоина было плохим с самого рождения. Я тогда все еще был очень молод и все время жил в Имперском Дворце, но у меня никогда не было возможности увидеть его».

Чэнь Чаншэн подумал про себя, что если он действительно был Наследным Принцем Чжаоин и его солнечное колесо было уничтожено, пока он был в чреве Божественной Императрицы, то это лишь естественно, что его здоровье не было очень хорошим.

«Если ты действительно Наследный Принц Чжаоин, что ты будешь делать?»

Голос Принца Чэнь Лю внезапно стал намного легче, но взгляд, направленный на Чэнь Чаншэна, как казалось, пылал и был переполнен надеждой и тоской.

Чэнь Чаншэн не знал, как ответить на этот вопрос. В этот самый миг он внезапно понял, что наиболее важным аспектом идентичности Наследного Принца Чжаоина было то, что... он был легитимным наследником на место Императора Великой Чжоу.

«Что бы не делала Божественная Императрица в эти годы, как бы много старейшин имперского клана она не убила, есть одно дело, которое невозможно отрицать: она - жена Императора Сяня. Наследный Принц Чжаоин - ее сын, а также сын Императора Сяня. Если имперский трон Великой Чжоу пуст, ни один человек не имеет больше прав воссесть на нем, чем Наследный Принц Чжаоин».

Принц Чэнь Лю смотрел ему в глаза, серьезно заявляя это.

Так как Чэнь Чаншэн не признал, что он был Наследным Принцем Чжаоин, он в своих словах не говорил 'ты', а говорил 'Наследный Принц Чжаоин'.

Но намерения в этих словах были ясными, как день. Каждый мог понять (прим.пер. 'Ясный, как день' в данном случае использует слова 清清楚楚, что является игрой слов над Чжаоин, что пишется, как 清).

Божественная Императрица правила двести с лишним лет и управляла Имперским Двором с железной хваткой. Несколько крупных инцидентов в последние десять лет, а также методы Чжоу Туна подавили Имперский клан Чэнь до невероятно жалкого состояния. В настоящее время нельзя было найти и следа влияния Имперского клана Чэнь, по крайней мере на поверхности. Принц Чэнь Лю, этот единственный потомок, был единственной крупницей уважения, которое Божественная Императрица оставила для Имперского клана, маленьким утешением для простолюдинов. Это также было символом, так как Принц Чэнь Лю был просто каким-то одиноким призраком, совершенно лишенным власти.

Однако, Имперский клан Чэнь, который однажды вырвался из Графства Тяньлян, чтобы обладать миром, и производил индивида за индивидом с сокрушительным талантом, как Чэнь Сюаньбу, предыдущего Наследного Принца и Императора Тайцзуна, имел намного больше ресурсов, чем могли представить обычные люди. Для них было совершенно невозможно так просто быть устраненными из столицы. У них несомненно было много ресурсов, скрытых в столице. Возможно, эта сила была скрыта в Ортодоксии или в Имперском Дворе, и она даже могла быть в Имперском Дворце. И в провинциях и графствах снаружи столицы сила Имперского клана была относительно целой, даже имея возможность пошатнуть Имперский Двор.

Взять, например, Графство Тяньлян. Если Великая Чжоу действительно станет неурегулированной, то будь это чиновники или простой народ, все люди того графства будут твердо стоять на стороне Имперского клана Чэнь.

У Имперского клана Чэнь было несколько сотен наследников, разбросанных по провинциям и графствам, у каждого из них была своя собственная фракция. Из этих фракций сильнейшей была та, которая принадлежала Принцу из Сян.

Принц из Сян был отцом Принца Чэнь Лю.

Было неизвестно, получил ли Принц Чэнь Лю одобрение Принца из Сян, чтобы говорить эти слова Чэнь Чаншэну, но у него было право представлять позицию Принца из Сян.

Если Чэнь Чаншэн действительно был Наследным Принцем Чжаомином и действительно желал взойти на имперский трон, получение поддержки фракции Принца из Сян было невероятно важным.

Однако, Чэнь Чаншэн не проявил особой реакции.

В глазах Принца Чэнь Лю появилось сожаление и смятение.

Кто бы не хотел имперский трон Великой Чжоу?

Чэнь Чаншэн не хотел его, по крайней мере не сейчас. Прямо сейчас он просто не был в настроении раздумывать над этими так называемыми великими делами.

‘Единственные важные события в жизни - это рождение и смерть’ было причиной этого.

Принц Чэнь Лю не мог оставаться в Ортодоксальной Академии дольше. Учитывая слух, что Чэнь Чаншэн был Наследным Принцем Чжаомином, эта встреча уже была табу.

Люди Божественной Императрицы определенно следили за этим местом. Недавний имперский эдикт был доказательством этого.

Он посмотрел на Чэнь Чаншэна и сказал: «Не стой на стороне Императрицы лишь из-за Южун и не спеши принимать решение. Наблюдай больше, думай больше, думай о том, что больше всего требуется моей Династии Великой Чжоу».

Чэнь Чаншэн посмотрел на его красивое лицо и на непоколебимую целеустремленность в нем. Он подумал о тех слухах, которые слышал, прибыв в столицу, что Императрица очень высоко думала о Принце Чэнь Лю, и был сбит с толку.

Принц Чэнь Лю, казалось, знал, о чем он думал, и объяснил: «Императрица хорошо ко мне

относилась, но она ошибается».

Чэнь Чаншэн не задавал такие вопросы, как 'кто же определяет, что правильно, а что неправильно', потому что он знал, что каждый человек сделал свое заключение о состоянии династии в последние годы, у каждого человека была своя пара глаз.

«Ошибка Императрицы не лежит в ее использовании Чжоу Туна, не лежит в ее использовании Чэн Цзюня, и не лежит в ее использовании так называемых Восьми Тигров»

(прим.пер. 'Восемь Тигров' ссылается на группу восьми могущественных евнухов, которые управляли имперским двором во время правления Императора Чжэндэ в Династии Мин).

Когда Принц Чэнь Лю говорил об этих известных предательских чиновниках, выражение его лица было мрачным: «...Ошибка Императрицы не в ее неправильном использовании людей или использовании неправильных людей, а в том, что, когда она думала об использовании этих людей, намеренно использовала этих людей, ее не беспокоили чьи-либо смерти, она лишь думала о своей власти и позиции. Она обратила всю свою энергию в Имперский Двор и убила бесчисленных людей, которых считала своими врагами, но она забыла, кто является истинными врагами моей Династии Великой Чжоу».

Великая Чжоу была законной династией мира людей, представляя фундаментальную выгоду всего человечества. Ее враг, естественно, был на севере: демоны.

«Посмотри на состояние этой страны за последние двести лет. Империя Великой Чжоу на своем пике, но мы не продвинулись и на дюйм на север, и даже проиграли некоторые битвы. Для страны и людей мы страдаем в снежных бурях, но людей все еще иногда захватывают демоны в качестве армейской провизии. Почему существует такая ситуация? Потому что мысли Императрицы не там».

Принц Чэнь Лю уставился в его глаза и сказал тихим голосом: «Насколько бы высокой не была ее культивация, насколько бы изумительной не была ее власть, или насколько экстраординарной не была бы ее хитрость, она все еще женщина - ее пронизательность и манеры недостаточны по существу. Для нее невозможно привести нас к победе таким образом, так что у нее нет права продолжать восседать на имперском троне».

Солнце постепенно двигалось на запад. Все еще не было сумерек, но небо давало чувство красной теплоты.

Чэнь Чаншэн прошел обратно через занавес. Он вскарабкался на большой баньян под беспокойными и колеблющимися взглядами учениц Храма Южного Потока. Стоя на ветке, юноша смотрел вдаль.

Столица была окружена солнечным светом ранней осени. Везде были видны черные карнизы и белые стены, люди, идущие по улице, бесчисленные потоки лошадей и повозок. Окружение было невероятно оживленным, безопасным и радостным.

Люди, живущие тут, найдут очень трудным представить давление, которое должны были нести на себе армии людей на снежных равнинах к северу, насколько жалкими жизнями там жили люди.

Люди, живущие в это время, вероятно, забыли, что тысячу лет назад авангард Армии Демонов осаждал Лоян целые три месяца, что линия фронта была лишь в четырехстах ли от столицы.

Он молча раздумывал над словами Принца Чэнь Лю в течение очень долгого времени, а затем прекратил думать о них и начал раздумывать над собственными заботами.

Большой баньян стоял у озера, а озеро было внутри Ортодоксальной Академии. Здесь была пышная травянистая поляна.

Он жил здесь больше двух лет. Когда он в первый раз ступил в это место, имя Ортодоксальной Академии было полностью покрыто плющом, и это место было забытым садом прошлого.

Он встретил Черную Козу здесь, а также ту няню из Имперского Дворца. Позже, во дворце он увидел скользкий взгляд той няни и почти забыл, как она выглядела.

Та бамбуковая повозка, которую тащила Черная Коза, принадлежала не няне, а Мо Юй.

Уже прошло долгое время с тех пор, как он видел Мо Юй, долгое время с тех пор, как он слышал ее аромат на своей кровати или видел волос, который там остался. Возможно, Сюй Южун была причиной?

Тогда в Ортодоксальной Академии был лишь он.

На другой стороне той стены был Сад Сотни Растений. Однажды девочка перепрыгнула через ту стену, и в Ортодоксальной Академии появился другой человек.

Затем пришел Сюаньюань По, а потом и Танг Тридцать Шесть. Еще позже пришли Чжэсю и Су Моюй. После набора новых студентов последней осенью это место стало несравненно оживленным.

Когда он думал о том периоде в начале, когда лишь он и Лоло были в этом месте, юноша испытал иллюзию, что это произошло целую жизнь назад.

Сюаньюань По уже покинул академию, предположительно, он бешено спешил в направлении Красной Реки. Когда Лоло узнает, она, вероятно, будет охвачена горем.

Думая об этом, Чэнь Чаншэн испытал некоторое утешение. Затем он осознал, что, как оказывается, для него было невозможно быть в мире с собой, что он сильно заботился об этих вещах.

Трагедией было взять клочки красоты, чтобы другие увидели. Грустью было позволить людям видеть красоту, но не иметь возможность приблизиться к ней, в конечном счете вынуждая их развернуться и удалиться, таким образом исчезнув из поля зрения.

Видя столицу под осенним солнцем и думая о том, как он вскоре покинет этот прекрасный мир, юноша начал чувствовать грусть.

Пока он смотрел вдаль, он внезапно выкрикнул дважды. За этими двумя криками не было особого смысла, он просто хотел закричать, чтобы доказать, что он существовал.

Ученицы Храма Южного Потока и студенты Ортодоксальной Академии подняли взгляды к большому баньяну, посмотрев на его тело, которое, как казалось, сливалось с солнечным светом, и были сбиты с толку. Услышав его крик, они были шокированы. Ученицы Храма Южного Потока думали о том, как может быть, что Святой Деве нравился такой человек? Студенты Ортодоксальной Академии думали, что, как оказывается, директор был таким человеком.

Танг Тридцать Шесть, Чжэсю и Су Моюй смотрели в то место, их лица были мрачными, а сердца - тяжелыми.

.....

.....

Если бы вы узнали, что вам осталось жить лишь несколько десятков дней, как бы вы проводили это время? Составить список всего, что хотели сделать, но никогда не делали, а затем продали бы свой дом и поля, чтобы достигнуть этих вещей? Или вы стали бы скрываться в каком-то темном углу комнаты, омывая лицо слезами каждый день? Или вы отбросили бы всю мораль и законы, погружаясь в глубочайшие желания и злые мысли?

Пока Чэнь Чаншэн стоял на большом баньяне Ортодоксальной Академии и раздумывал над этим вопросом, в тюрьме Департамента для Очищения Чиновников в глубинах аллеи Северного Военного Департамента бывший имперский врач Доктор Чжэн Сунь и бывший чиновник Министерства Обрядов Лорд Ян Сюшэнь тоже сталкивались с этим вопросом. Но у них не было энергии раздумывать о том, как миновать эти дни, они лишь думали, как сократить это количество дней настолько, насколько это возможно.

С тех пор, как они были тайно пленены в Тюрьме Чжоу, они хотели умереть. Чем раньше, тем лучше, потому что здесь жизнь действительно была хуже смерти.

Острая металлическая проволока входила в левое ухо Ян Сюшеня, а затем выходила из правого, на ней было что-то похожее на мозговое вещество. Но не было много крови. В пытках этих последних нескольких дней он потерял слишком много крови и, возможно, его горячая кровь тоже постепенно растрачивалась.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/170912>